

Александр Герцен

**ЗАПИСКИ
ОДНОГО МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА**

ПОВЕСТЬ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А.

Г41 Записки одного молодого человека / А. Герцен. — М. : Т8RUGRAM. — 100 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-62650-7

Александр Иванович Герцен (1812–1870) — публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«Записки одного молодого человека» — первое опубликованное произведение, отразившее жизненный опыт и интеллектуальные поиски автора. Юный главный герой, впечатлительный и наблюдательный интеллигент, воспитанный на идеальных и романтических представлениях о действительности, попадает в патриархальный городок и сталкивается с подлинной — унылой и прозаичной — действительностью русской провинции. Герцен изящно переплетает патетическую интонацию с меткими и острыми наблюдениями над бытом и нравами России XIX века, изображаемой, подобно Гоголю, в ироническом ключе.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-62650-7

© Т8RUGRAM, 2018

Содержание

Вступление	5
Ребячество.....	9
Юность	31
Годы странствования	43
Патриархальные нравы города Малинова.....	49

ВСТУПЛЕНИЕ

Твое предложение, друг мой, удивило меня. Несколько дней я думал о нем. В эту грустную, томную, бесцветную эпоху жизни, в этот болезненный перелом, который еще бог весть чем кончится, «писать мои воспоминания». Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало-помалу образы давно прошедшие наполнили душу, окружили радостной вереницей, — мне жаль стало расстаться с ними, и я решил писать, для того чтоб остановить, удержать воспоминания, пожить с ними подольше; мне так хорошо было под их влиянием, так привольно... Сверх того, думалось мне, пока я буду писать, подольется вешняя вода и смое с мели мою барку.

А странно! С начала юности искал я деятельности, жизни полной; шум житейский манил меня; но едва я начал жить, какая-то *bufera infernale* завертела меня, бросила далеко от людей, очертила круг деятельности карманным циркулем, велела сложить руки. Мне пришлось в молодости испытать отраду стариков: перебирать бывшее и вместо того, чтоб жить в самом деле, записывать прожитое. Делать нечего! Я, вздохнувши, принялся за перо; но едва написал страницу, как мне стало легче; тягость настоящего делалась менее чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживал сам с прошедшим: расстояние между нами исчезало. Моя работа стала мне нравиться, я увлекался ею и, как комар Крылова, «из Ахиллеса стал Омиром»; и почему же нет, когда я прожил свою илиаду?... Целая часть жизни окончена; я вступил в новую область; тут другие нравы, другие люди — почему же не остано-

виться, перейдя между, пока пройденное еще ясно видно? Почему не проститься с ним по-братски, когда оно того стоит? Каждый день нас отдаляет друг от друга, а возвращения нет. Моя тетрадка будет надгробным памятником доли жизни, канувшей в вечность. В ней будет записано, сколько я схоронил себя. Но скучна будет илиада человека обыкновенного, ничего не совершившего, и жизнь наша течет теперь по такому прозаическому, гладко скошенному полю, так исполнена благоразумия и осторожности etc., etc. — Я не верю этому; нет, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзии, страстей, коллизий, как житье-бытье рыцарей в средних веках, как житье-бытье римлян и греков. Да и о каких совершенствах идет речь? Кто жил умом и сердцем, кто провел знойную юность, кто человечески страдал с каждым страданьем и сочувствовал каждому восторгу, кто может указать на нее и сказать: «вот моя подруга», на него и сказать: «вот мой друг», — тот совершил кое-что. «Каждый человек, — говорит Гейне, — есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история», — и история каждого существования имеет свой интерес; это понимали Шекспир, Вальтер Скотт, Теньер, вся фламандская школа: интерес этот состоит в зрелище развития духа под влиянием времени, обстоятельств, случайностей, растягивающих, укорачивающих его нормальное, общее направление.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тут моего мало: для меня избрано время, в нем мое владение; у меня нет на земле прошедшего, ни будущего не будет через несколько лет. Откуда это тело, крепости которого удивлялся Гамлет, я не знаю. Но жизнь — мое естественное право; я распоряжаюсь хозяином в ней, вдвигаю свое

ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

«я» во все окружающее, борюсь с ним, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь мир, переплавливаю его, как в горниле, сознаю связь с человечеством, с бесконечностью, — и будто история этого выработывания от ребяческой непосредственности, от этого покойного сна на лоне матери до сознания, до требования участия во всем человеческом, до самобытной жизни — лишена интереса? Не может быть!

Но довольно:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten, Die frueh sich einst dem trueben Blick gezeigt. Versuch ich wohl euch diesmal festzuhalten?

С восхищением переживу я еще мои 25 лет, сделаюсь опять ребенком с голой шеей, сяду за азбуку, потом встречу с ним там, на Воробьевых горах, и упыюсь еще раз всем блаженством первой дружбы; и тебя вспомню я, «старый дом»¹.

В этой комнатке счастье былое, Дружба родилась и выросла там. А теперь запустенье глухое, Паутины висят по углам.

Потом и вы, товарищи аудитории, окружите меня, и с тобою, мой ангел, встречу я на кладбище...

О, с каким восторгом встречу я каждое воспоминание... Выходите ж из гроба. Я каждое прижму к сердцу и с любовью положу опять в гроб...

Владимир-на-Клязьме. Весной 1838.

---

¹ Огарев «Старый дом» написал в 1840 году. Стихи эти прибавил я, отдавая Белинскому статью в конце сорокового года. (Прим. А. И. Герцена.)

РЕБЯЧЕСТВО

*Das Hoechste was wir von Gott und der Natur erhalten
haben, ist das Leben...*
Goethe

До пяти лет я ничего ясно не помню, ничего в связи... Голубой пол в комнатке, где я жил; большой сад, и в нем множество ворон. Идучи в сад, надобно было проходить сарай; тут обыкновенно сидел кучер Мосей с огромной бородой, который ласкал меня и на которого я смотрел с каким-то подобострастием; с ним, кажется, ни за какие блага в мире я не решился бы остаться наедине. Тогда при мне уже была m-me Ровеац, которая водила меня за руку по лестнице, занималась моим воспитанием и, сверх того, по дружбе, в свободные часы присматривала за хозяйством. Еще года два-три наполнены смутными, неясными воспоминаниями; потом мало — помалу образы яснее, как деревья и горы, из-за тумана вырезаются мелкие подробности детства и крупные события, о которых все говорили и которые дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радовались, что бог прибрал это чудовище, о котором было предсказано в апокалипсисе, проникательные не верили его смерти; более проникательные уверяли, что он в Греции. Всех больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся из дома в дом по бедности и не работавшая по благородству, — она не могла простить Наполеону пожар в Звенигороде, при котором сгорели две коровы ее, связанные с нею нежней-

шей дружбой. Рассказами о пожаре Москвы меня убаюкивали; сверх того, у меня были карты, где на каждую букву находилась карикатура на Наполеона с острыми двустешиями, например:

Широк француз в плечах, ничто его неймет,
Авось-либо моя нагайка зашибет, —

и с еще более острыми изображениями, например. Наполеон едет на свинье и проч. Мудрено ли, что и я радовался смерти его? Помню умерщвление Коцебу. За что Занд убил его, я никак не мог понять, но очень помню, что племянник m-me Proveau, гезель в аптеке на Маросейке, от которого всегда пахло ребарбаром с розовым маслом, человек отчаянный и ученый, приносил картинку, на которой был представлен юноша с длинными волосами, и рассказывал, что он убил почтенного старика, что юноше отрубили голову, и я очень жалел, разумеется, юношу.

Я был совершенно один; игрушки стали скоро мне надоедать, а их у меня было много: чего-чего ни дарил мне дядюшка! И кухню, в которой готовился недели три обед, готовился бы и до сего дня и часа, ежели б я не отклеил задней стены, чтоб подсмотреть секрет, и избу, покрытую мохом, в которой обитал купидон, весь в фольге, и *lanterne magique*, занимавший меня всего более... Вот является на стене яркое пятно, и больше ничего; надумаешься тут, — что-то явится в этих лучах славы и вогнутого стекла... вдруг выступает слон, увеличивается, уменьшается, точно живой, иной раз пройдет вверх ногами, чего живому слону и не сделать; потом Давид и Голи-